

Проезжий и крестьянин. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru  
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке  
<http://to1stoyleo.ru/> Приятного чтения!

Проезжий и крестьянин. Лев Николаевич Толстой

В крестьянской избе. Старик проезжий сидит на коннике и читает книгу. Хозяин, вернувшись с работы, садится за ужин и предлагает проезжему. Проезжий отказывается. Хозяин ужинает. Отужинав, встает, молится и подсаживается к старику.

Крестьянин. По какому, значит, случаю?..

Проезжий (снимает очки, кладет книгу). Поезда нет, только завтра пойдет. На станции тесно. Попросился у бабы у твоей переночевать. Она и пустила.

Крестьянин. Что ж, ничего, ночуй.

Проезжий. Спасибо. Ну, что ж, как по теперешнему времени живете?

Крестьянин. Какая наша жизнь? Самая плохая!

Проезжий. Что ж так?

Крестьянин. А оттого так, что жить не при чем. Такая наша жизнь, что надо бы хуже, да некуда! Вот у меня девять душ, все есть хотят, а убрал шесть мер, вот и живи тут. Поневоле в люди пойдешь. А пойдешь наниматься, цены сбиты. Что хотят богатые, то с нами и делают. Народа размножилось, земли не прибавилось, а подати, знай, прибавляют. Тут и аренда, и земские, и поземельные, и мосты, и страховка, и десятскому, и продовольственные – всех не перечтешь, и попы, и бары. Все на нас ездят, только ленивый на нас не ездит.

Проезжий. А я думал, что мужички нынче хорошо жить стали.

Крестьянин. Так-то хорошо жить стали, что по дням не емши сидят.

Проезжий. Я потому думал, что очень уж деньгами швырять стали.

Крестьянин. Какими деньгами швырять стали? Чудно ты говорить. Люди с голоду помирают, а он говорит: деньгами швыряются.

Проезжий. А как же, по газетам видать, что в прошлом году на 700 миллионов, – а миллион ведь это тысяча тысяч рублей, – так на 700 миллионов вина мужички выпили.

Крестьянин. Да разве мы одни пьем? Погляди-ка, как ее попы окалызывают, за первый сорт. А бары-то тоже спуску не дают.

Проезжий. Всё это малая часть, большая часть на мужиков приходится.

Крестьянин. Так что же, и пить уже ее не надо?

Проезжий. Нет, я к тому, что если на вино в год дуром 700 миллионов швыряют, так, значит, еще не так плохо живут. Шутка ли – 700 миллионов – и не выговорить.

Крестьянин. Да как же без ней-то? Ведь не нами заведено, не нами и кончится; и престол, и свадьбы, и поминки, и магарычи: хочешь не хочешь – нельзя без ней. Заведено.

Проезжий. Есть же люди, что не пьют. А живут же. Хорошего ведь в ней мало.

Крестьянин. Чего хорошего, акромя плохого!

Проезжий. Так и не надо бы пить ее.

Крестьянин. Да пей, не пей, всё равно жить не при чем. Земли нет. Была бы земля, всё бы жить можно, а то нет ее.

Проезжий. Как нет ее? Мало ли ее? Куда ни погляди, везде земля.

Проезжий и крестьянин. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

Крестьянин. Земля-то земля, да не наша! Близок локоть, да не укусишь!

Проезжий. Не ваша? Чья же она?

Крестьянин. Чья? Известно чья. Вот он, толстопузый черт, захватил 1700 десятин, сам один, и всё ему мало, а мы уже и кур перестаем держать – выпустить некуда. Впору и скотину переводить. Кормов нету. А зайдет на его поле теленок али лошадь – штраф, продавай последнее, ему отдавай.

Проезжий. Да на что же ему земли-то столько?

Крестьянин. На что ему земля? Известно на что: сеет, убирает, продает, денежки в банку кладет.

Проезжий. Да где же ему такую Палестину вспахать да убрать?

Крестьянин. Точно ты махонький. На то у него деньги, наймет рабочих, они и пахут и убирают.

Проезжий. Рабочие-то, я чай, тоже из ваших?

Крестьянин. Которые наши, которые чужие.

Проезжий. Да ведь всё же из крестьян?

Крестьянин. Известно, из нашего же брата. Кто же, акромя мужика, работает? Известно, мужики же.

Проезжий. А кабы не шли к нему мужики на работу...

Крестьянин. Ходи не ходи, всё равно не даст. Будет пустовать земля, а дать – не даст. Собака на сене, сама не ест, другим не дает.

Проезжий. Да как же он свою землю убережет? Ведь, я чай, верст на пять? Где же ему поспеть укараулить?

Крестьянин. Чудно ты говоришь. Он на боку лежит, брюхо отращивает, на то у него сторожа.

Проезжий. А сторожа-то, гляди, опять из ваших?

Крестьянин. А то из каких же, известно из наших же.

Проезжий. Значит, мужики сами для господ землю обрабатывают, да еще сами ее от себя караулят?

Крестьянин. Как же быть-то?

Проезжий. А так и быть, что не ходить к нему на работу, да и в сторожа не наниматься, тогда бы земля вольная была. Земля божья и люди божьи, паши, сей, убирай, кому нужно.

Крестьянин. Забастовку, значит? На это, брат, у них солдаты есть. Пришлют солдат – раз, два, пали – кого расстреляют, а кого заберут. С солдатами разговор короткий.

Проезжий. Да ведь солдаты тоже из ваших? Зачем же они своих стрелять будут?

Крестьянин. А то как же, на то присяга.

Проезжий. Присяга? Это что же присяга?

Крестьянин. Аль ты не русский? Присяга – одно слово присяга.

Проезжий. Клянутся, значит?

Крестьянин. А то как же? На кресте, евангелии присягают за престол-отечество

Проезжий и крестьянин. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru  
живот положить должен.

Проезжий. А на мой разум, не надо бы этого делать.

Крестьянин. Чего не надо бы?

Проезжий. Присягать не надо.

Крестьянин. Как же не надо, когда в законе положено?

Проезжий. Нет, в законе нет этого. В законе Христовом прямо запрещено: не клянись, говорит, вовсе.

Крестьянин. Ну? Как же попы-то?

Проезжий (берет книгу, раскрывает, ищет и читает:) «Вам сказано: держи клятвы, а я говорю – не клянись вовсе. Но да будет слово ваше «да, да», «нет, нет», а что сверх этого, то от лукавого» (Мф. гл. V, ст. 33, 38). Значит, по Христову закону нельзя клясться.

Крестьянин. А не будут присягать, и солдат не будет.

Проезжий. А на что же их, солдат-то?

Крестьянин. Как на что? А как если на нашего царя да чужие цари пойдут, как же тогда?

Проезжий. Сами цари ссорятся, сами пускай и разбираются.

Крестьянин. Ну! Да как же так?

Проезжий. А так, что кто в бога верит, тот, что ему ни говори, убивать людей не станет.

Крестьянин. Почему же поп в церкви указ читал, что война объявилась, чтоб запасные собирались?

Проезжий. Про это не знаю, а знаю, что в заповедях – в 6-й прямо сказано: не убий. Запрещено, значит, человеку человека убивать.

Крестьянин. Это, значит, дома. А на войне-то как же без этого? Враги, значит.

Проезжий. По Христову евангелию врагов нету, всех любить велено. (Раскрывает евангелие и ищет.)

Крестьянин. Ну-ка, почитай!

Проезжий (читает). «Вы слышали, что сказано древним: не убивай; кто же убьет, подлежит суду. А я говорю вам, что всякий гневающийся на брата подлежит суду». Еще сказано: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. гл. V, ст. 43, 44).

(Продолжительное молчание. )

Крестьянин. Ну, а подати как же? Тоже не отдавать?

Проезжий. Уж это как сам знаешь. Если у тебя самого дети голодные, так известное дело, прежде своих накормить.

Крестьянин. Так, значит, вовсе и солдат не надо?

Проезжий. А на кой их ляд? Миллионы да миллионы с вас же собирают, шутка ли прокормить да одеть ораву такую. Близу миллионов дармоедов этих, а польза от них только та, что вам же земли не дадут да вас же стрелять будут.

Крестьянин (вздыхает и качает головой). Так-то так. Да кабы все сразу. А то

Проезжий и крестьянин. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru  
упришь один или два, застрелят или в Сибирь сошлют, только и толков будет.

Проезжий. А есть люди и теперь, и молодые ребята, поодиночке, а стоят за божий закон, в солдаты не идут: не могу, мол, по Христову закону быть убийцей. Делайте, что хотите, а ружья в руки не возьму.

Крестьянин. Ну и что же?

Проезжий. Сажают в арестантские – сидят там, сердешные, по три, по четыре года. А сказывают, там хорошо им, потому начальство тоже люди, уважают их. А других и вовсе отпускают – говорят: не годится, слаб здоровьем. А он косая сажень в плечах, а не годится, потому – боятся принять такого, он другим расскажет, что солдатство против закона божеского. И отпускают.

Крестьянин. Ну?

Проезжий. Бывает, что отпускают, а бывает, что и помирают там. Да и в солдатах помирают, да еще калечат – кто без ноги, без руки...

Крестьянин. Ну и прокурат же ты малый. Хорошо бы так, да не выйдет так дело.

Проезжий. Отчего не выйдет?

Крестьянин. А оттого...

Проезжий. От чего от того?

Крестьянин. Оттого, что начальству власть дадена.

Проезжий. Да ведь власть–то у начальства только оттого, что вы его слушаете. А не слушайте начальства, и не будет и власти.

Крестьянин (качает головой). И чудно ты говоришь. Как же без начальства? Без начальства никак невозможно.

Проезжий. Известно дело, невозможно. Да только кого ты начальством считать будешь: исправника али бога? Кого хочешь слушать: исправника или бога?

Крестьянин. Да это что и говорить. Больше бога не будешь. Первое дело – по-божьи жить.

Проезжий. А коли по-божьи жить, так бога и слушать надо, а не людей. А будешь по-божьи жить, не станешь с чужой земли людей сгонять, не станешь в десятских, старостах ходить, подати отбирать, не пойдешь в стражники, в урядники, а пуще всего в солдаты не пойдешь, не будешь обещаться людям убивать.

Крестьянин. Так как же попы долгогривые–то? Им видать, что не по закону, а что ж они не учат, как должно?

Проезжий. Об этом не знаю. Они свою линию ведут, а ты свою веди.

Крестьянин. То–то долгогривые черти.

Проезжий. Это напрасно: что других осуждать. Надо каждому самому об себе помнить.

Крестьянин. Это как есть.

(Долгое молчание. Крестьянин покачивает головой и усмехается.)

Крестьянин. Это, значит, ты к тому, что если дружно взяться всем сразу, – напором, значит, – так и земля наша будет и податей не будет?

Проезжий. Нет, брат, не к тому я говорю. Не к тому я говорю, что по-божьи жить, так и земля наша будет и податей платить не станем, а к тому говорю, что жизнь наша плохая только оттого, что сами плохо живем. Жили бы по-божьи, и плохой жизни бы не было. О том, какая была бы наша жизнь, если бы по-божьи жили, – один бог знает, а только то верно, что плохой жизни не было бы. Сами пьем, ругаемся,

Проезжий и крестьянин. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru деремся, судимся, завистуем, ненавидим людей, закона божьего не принимаем, людей осуждаем: то толстопузые, то долгогривые, а помани нас денежками, мы готовы на всякую службу идти: и в сторожа, и в десятские, и в солдаты, и своего же брата разорять, душить и убивать готовы. Сами живем по-дьявольски, а на людей жалуемся.

Крестьянин. Это верно. Да только трудно, уж как трудно! Другой раз и не стерпишь.

Проезжий. А для души терпеть надо.

Крестьянин. Это как есть! Оттого и плохо живем, что про бога забываем.

Проезжий. То-то и дело. Оттого и жизнь плохая. А то глядишь, забастовщики говорят: дай вот этих да вот этих господ да богачей толстопузых перебьем, – всё от них, – и жизнь наша хорошая будет. И били и бьют, а пользы всё нет никакой. Тоже и начальство: дай только, говорит, сроку, перевешаем да переморим по тюрьмам тысячу, другую народа, устроится жизнь хорошая. А глядишь, жизнь только всё хужеет.

Крестьянин. Да это как есть. Разве можно не судом, надо по закону.

Проезжий. Вот то-то и дело. Одно из двух: либо богу служи, либо дьяволу. Хочешь дьяволу – пьянствуй, ругайся, дерись, ненавидь, корыстовайся, не божьего закона слушайся, а людского, – и жизнь будет плохая; а хочешь служить богу, – его одного слухай: не то, что грабить или убивать, а никого не осуждай, не ненавидь, не влипай в худые дела, и не будет плохой жизни.

Крестьянин (вздыхает). Хорошо ты, старичок, рассказываешь, дюже хорошо, только мы мало слушаем. Ох, кабы побольше так наставляли нас, другое бы было. А то придут из города, тоже свое болтают, как дела исправить, болтают хлестко, а слушать нечего. Спасибо, старичок. Речи твои хорошие.

Где же ложиться будешь? На печке, что ль? Баба подстелет.

Л. Толстой.

12-го октября 1909 г.

Комментарии В. С. Мишина  
ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

11 сентября 1909 г., в бытность у В. Г. Черткова в Крекшине, [1] Толстой отметил в Дневнике: «Записал разговор с крестьянами», и дальше под тем же числом: «Ничего, кроме разговора с крестьянами, не записал» (т. 57, стр. 137).

В Записной книжке под этим числом Толстой набросал в художественной форме свой разговор с крестьянами о причинах их бедственного положения и о средствах избавления от него (см. т. 57, стр. 239–241) и в тот же день записал эту сценку на отдельных листах (см. описание рук. № 1).

Как в Записной книжке, так и в первой черновой рукописи Толстой не называет действующих лиц и не дает заглавия этой сценке.

По содержанию и характеру записи диалога в Записной книжке можно заключить, что Толстой стремился придать этому диалогу чисто художественную форму, исключив из него все автобиографическое. Судя по народным оборотам речи, разговор с крестьянами ведет также человек из народа.

Запись диалога, сделанная на отдельных листах, по форме резко отличается от первой записи. Здесь разговор ведет сам автор. Крестьяне пришли к нему, и, здороваясь с ними, автор благодарит их за это: «Здравствуйте, братцы. Спасибо, что пришли». [2] Далее, в ответ на жалобы крестьян на «недостатки», автор отвечает: «Есть у меня сын, тоже всё матери на недостатки жалуется. А приехал я к нему: полная конюшня лошадей, собаки охотничьие по сто рублей плачены». Речь автора в этой записи не похожа на речь крестьян, и вся сценка написана более пространно, в особенности последний монолог автора, в котором он пытается указать пути выхода из «бедственного положения» крестьян.

Однако уже в первой копии, сделанной со второй записи диалога, Толстой вычеркивает всё, что указывало на автобиографичность этой беседы. Вычеркиваются слова из первой реплики автора: «Спасибо, что пришли»; а реплика о сыне, цитированная выше, заменяется следующей: «Вот тоже я сейчас от помещика, так тоже всё на недостатки жалуется. А у самого 12 лошадей на конюшне, оранжереи, теплицы, собаки охотничьи по 100 рублей плачены. А всё говорит недостатки» (см. рук. № 2).

Сценка перестраивается с разговора автора с крестьянами на разговор «приезжего» с крестьянином. Соответственно этому вписывается заглавие: «Приезжий и крестьянин», и реплики каждого из них помечаются буквами «П.» и «К.».

Следующая копия (рук. № 3) вновь перерабатывается Толстым от начала до конца. Исключается место о помещике (см. выше), почти целиком вычеркивается последний монолог «приезжего». Самый разговор заканчивается уже словами крестьянина, которыми заканчивается (почти дословно) сценка и в окончательной редакции. Заглавие изменяется на «Проезжий старик и крестьянин».

Можно предположить, что исправление этой, второй, копии Толстой производил 14 сентября. В Дневнике под этим числом он отметил: «Поправил разговор проезжего с крестьянином» (т. 57, стр. 139). Подтверждением этому может служить то обстоятельство, что как во второй копии, так и в Дневнике 14 сентября Толстой употребил впервые слово «приезжего» вместо «приезжего».

18 сентября Толстой записал в Дневнике: «Сейчас дома прибавил к 1-му разговору и хочу переделать 2-й» (т. 57, стр. 142). «Первым разговором» Толстой называл «Разговор с прохожим», а вторым – «Проезжий и крестьянин». [3]

Однако до 22 сентября Толстой, повидимому, не принимался за исправление «второго разговора»: третья копия помечена именно этим числом (см. описание рук. № 4). Дальнейшая работа над ним, судя по отметкам переписчиков на обложках рукописей и записям Толстого в Дневнике, производилась 22, 25, 30 сентября, 2, 4, 6, 8, 9, 11 и 12 октября (см. описание рукописей и записи в Дневнике, т. 57, стр. 145, 147, 149 и 150).

Соответственно развитию темы диалога Толстой в Записной книжке вносил как отдельные мысли к нему, реплики, так и целые сцепки (см. т. 57, стр. 242, 243, 245 и 246).

4 октября Толстой дал этому «Разговору» окончательное заглавие (см. описание рук. № 7), а 12 октября была в основном закончена работа над ним. Этим числом подписана переписчицей последняя, полная, рукопись (№ 13). Дубликат этой рукописи, имеющий лишь одну поправку Толстого, надо думать, просматривался Толстым 22 октября, о чем он отметил в этот день в Дневнике: «Чуть-чуть поправил разговор» (т. 57, стр. 158).

При жизни Толстого диалог «Проезжий и крестьянин» напечатан не был. Впервые опубликован в 1917 г. в газете «Утро России», № 116 от 10 мая.

В настоящем издании диалог печатается по рукописи № 13.

#### ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 5 лл. почтового формата, исписанных с обеих сторон. Пагинация рукой Толстого цифрами 1–10. Начало: «Здравствуйте, братцы». Конец: «не на кого будет жаловаться». Под текстом дата: «И сентября 1909». На обложке рукой переписчика помечено: «Черновые 2-го разговора крестьянина с приезжим».

2. Машинописная копия рук. № 1 с исправлениями Толстого. 7 лл. 4°. Начало: «П. Здравствуйте, братцы». Конец: «не на что будет и жаловаться». Толстым вписано заглавие: «Приезжий и крестьянин».

3. Машинописная копия рук. № 2 с большими исправлениями Толстого. 8 лл. 4°. Начало: «П. <Здравствуйте, братцы>». Конец: «Речи твои хорошие (уходит)». Заглавие Толстым исправлено: «Проезжий старик и крестьянин».

4. Машинописная копия рук. № 3 с исправлениями Толстого. 2 лл. 4° и 3 отрезка (остальные переложены в следующие рукописи). Начало: «П. Ну, как живете,

Проезжий и крестьянин. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru  
братцы?» Конец: «воевать нельзя» запрещаю». На обложке дата переписчицы: «22 сент. 09».

5. Машинописная копия рук. № 4. 1 л. 4° и 1 л. почтового формата автографа-вставки (остальные листы переложены в следующие рукописи). Начало: «В крестьянской избе». Конец: «П. А я ведь <точно думал>». На обложке дата переписчицы: «30 сент. 09».

6. Машинописная копия рук. № 5 с большими исправлениями и вставками Толстого. 10 лл. 4°, 1 л. почтового формата (автограф-вставка) и 4 отрезка (часть листов переложена из предыдущих рукописей). Начало: «(В крестьянской избе)». Конец: «Речи твои хорошие (уходит)». На обложке дата переписчицы: «2 окт. 09 г.».

7. Машинописная копия рук. № 6 с исправлениями Толстого. 4 лл. 4° и 7 отрезков (часть листов и отрезков переложена в следующие рукописи). Начало: «(В крестьянской избе)». Конец: «не такая бы наша жизнь была». Заглавие исправлено Толстым: «Проезжий и крестьянин». На обложке дата переписчицы: «4-го окт. 09 г.».

8. Машинописная копия рук. № 7 с исправлениями Толстого. 11 лл. 4°, 1 л. почтового формата (автограф-вставка) и 5 отрезков. Начало: «(В крестьянской избе)». Конец: «всё хорошо будет». На обложке дата переписчицы: «6-го окт. 09».

9. Машинописная копия рук. № 8 с исправлениями Толстого, 5 лл. 4° и 2 отрезка (часть листов и отрезков переложена в следующие рукописи). Начало: «разговор короткий». Конец: «А то придут из города».

10. Машинописная копия рук. № 9 с исправлениями Толстого. 3 лл. 4° и 8 отрезков (часть отрезков переложена в следующую рукопись). Начало: «разговор короткий». Конец: «Речи твои хорошие».

11. Машинописная копия части рук. № 10. 1 отрезок (остальные листы и отрезки переложены в следующую рукопись). Начало: «Долго молчат оба». Конец: «в стражники не пойдет». На обложке помета переписчицы: «Черновые 8 и 9 окт.».

12. Машинописная копия рук. 10 и 11. 10 лл. 4°, 1 л. почтового формата (автограф-вставка) и 2 отрезка. Начало: «(В крестьянской избе)». Конец: «Баба подстелет».

13. Машинописная копия рук. № 12. 9 лл. F° и 1 отрезок. Начало: «(В крестьянской избе)». Конец: «Баба подстелет». Под текстом дата переписчицы: «12-го окт. 1909 г.». Последняя полная рукопись, правленная Толстым. Одно исправление, сделанное Толстым в рук. № 14, перенесено сюда рукой Н. М. Кузьмина.

14. Дубликат рукописи № 13 с одной поправкой Толстого. Исправления, сделанные Толстым в рукописи № 13, перенесены в данную рукопись Н. М. Кузьминым.

#### ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ

В 37-м томе Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого продолжается публикация его произведений, написанных в последние годы жизни. Здесь помещены относящиеся к 1906–1910 гг. художественные произведения, статьи, очерки.

Для правильной оценки включенных в этот том произведений следует учитывать систему взглядов Толстого в целом, в их совокупности, во всей сложности переплетения сильных и слабых сторон. Эти взгляды выражены не только в произведениях Толстого, но также в его дневниках и письмах, в которых читателю раскрывается потрясающая картина мучительных переживаний, вызванных у писателя все более и более ухудшавшимся положением народа, политической реакцией в стране, поисками пути изменения действительности и полным непониманием единственно возможного пути – революционной борьбы.

Годы, к которым относятся публикуемые в 37-м томе произведения, это годы безудержного террора, которым царское правительство стремилось задуть революционную борьбу. Истекающая кровью страна была покрыта виселицами, тюрьмы были переполнены, всякие проявления революционного протеста жестоко карались. Либеральная буржуазия, с ликованием встретившая поражение революции 1905–1907 гг., всемерно помогала самодержавию обманывать народ. Обнищание масс дошло до предела. Но гнев народа не мог быть подавлен никакими репрессиями и нарастал с

Проезжий и крестьянин. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru  
каждым днем. Настроения пассивизма, непротivления, выразившие слабые стороны  
взглядов крестьянства и нашедшие отражение и во взглядах Толстого, стали  
постепенно изживаться в массах под могучим влиянием пролетарской революционной  
борьбы и уроков первой русской революции.

Вся эта совокупность условий русской жизни нашла отражение и в эволюции  
Толстого, писателя, который переживал народные бедствия с такой силой, что  
страдания крестьянства стали его собственными страданиями.[4]

В последний период жизни Толстой, при всех кричащих противоречиях своих  
взглядов, при всей интенсивности пропагандирования реакционной теории  
непротivления злу, не только не перестал быть обличителем существовавшей  
политической системы, но сам все отчетливее осознавал свой гражданский долг  
писателя, срывающего с правящей верхушки и эксплуататорских классов все и  
всяческие маски.

Великая роль Толстого-обличителя с особенной силой стала очевидной в 1908 г.,  
когда все передовое человечество отметило восьмидесятилетие со дня его рождения.  
Всемирно-историческое значение Толстого тогда получило оценку от имени  
революционной России в статье Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской  
революции». Ленин охарактеризовал взгляды гениального художника как отражение  
силы и слабости крестьянской революционности в эпоху 1861–1904 гг. Он с  
гордостью писал о Толстом как страстном обличителе существовавшей системы,  
беспощадном критике эксплуатации и рабства, враге самодержавия, выразителе  
настроений широчайших масс крестьянства. И в то же время Ленин учил отделять в  
творчестве Толстого то, что принадлежит будущему, от того, что ушло в прошлое.  
Великий вождь пролетариата указал на опасность, которую представляло для судеб  
русской революции «толстовское непротivление злу, бывшее серьезнейшей причиной  
поражения первой революционной кампании».[5]

Трудовой народ в приветствиях, посланных Толстому в связи с юбилеем, выразил  
свою горячую любовь и благодарность за его самоотверженную деятельность  
обличителя и критика. Так, в послании рабочих Балтийского судостроительного  
завода говорилось:

«Из душных мастерских завода мы, люди тяжелого труда и тяжелой доли, сыновья  
одной с Вами несчастной родной матери, шлем Вам привет, чья в лице Вашем  
национального гения, великого художника, славного и неутомимого искателя истины.  
Мы, русские рабочие, гордимся Вами как национальным сокровищем, и лишь хотели  
бы, чтобы и могучему созидателю новой России – рабочему классу – природа дала  
своего Льва Толстого».

И в то же время своей обличительной деятельностью Толстой вызывал острую  
ненависть царского правительства, правящих классов, церкви. Реакционная пресса  
все более усиливала погромную травлю писателя, либералы в своих лживо-лицемерных  
писаниях грубо извращали сущность его творчества. Царское правительство всеми  
силами пыталось (как откровенно признала официозная газета «Россия») пресечь  
«стремления придать почитанию гр. Толстого характер общественного сочувствия его  
деятельности, направленной против православной веры, против государства и  
государственных установлений».[6] Разгул черносотенной травли дошел до таких  
пределов, что Иоанн Кронштадтский сочинил «молитву» о скорейшей смерти Толстого,  
а епископ Гермоген опубликовал «архипастырское обращение», содержащее  
отъявленные ругательства по адресу писателя.

Однако никакая травля не могла остановить обличительную деятельность Толстого.  
До конца своих дней он остался верен своему убеждению в том, что необходимо  
неустанно «обличать богатых в их неправде и открывать бедным обман, в котором их  
держат».[7] Еще в 1890-х гг., в связи с преследованиями за статью «О голоде», он  
писал: «Я пишу, что думаю, и то, что не может нравиться ни правительству, ни  
богатым классам... и пишу не нечаянно, а сознательно...»[8] О том, что он не  
прекратит обличений существующих порядков, несмотря ни на какие репрессии,  
Толстой открыто заявил правительству в статье «По поводу заключения В. А.  
Молочникова» (1908).

Но, как отметил Ленин, «противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе  
Толстого – действительно кричащие».[9] Замечательно сильный, искренний протест,  
гениальные обличения социальной несправедливости и лжи сочетались в деятельности  
писателя с проповедью нравственного самоусовершенствования, всепрощения, с

Проезжий и крестьянин. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru надеждами на возможность отказа власти имущих от зла, их перевоспитания и т. д. Толстой – «горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю». [10]

Противоречивость взглядов Толстого со всей отчетливостью выразилась и в одном из самых лучших его публицистических произведений – статье «Не могу молчать» (1908).

Эта статья, вызванная все возрастающим столыпинским террором, имела огромный резонанс. Мировое общественное мнение высоко оценило протест великого писателя против массовых казней революционеров и восставших крестьян. Несмотря на то, что «Не могу молчать» было напечатано за границей и могло появиться в России легально только в отрывках, этот, как тогда говорили, «манифест Толстого» получил большую известность.

Как следует из Дневника Толстого, непосредственным поводом к написанию статьи явились газетные сообщения о казни через повешение в Херсоне крестьян «за разбойное нападение на усадьбу землевладельца» [11]. Однако содержание статьи оказалось значительно шире даже весьма острой и важной самой по себе темы о самодержавно-полицейском терроре: это было суровое обвинение всему существовавшему строю. Толстой подчеркнул, что террор был выражением непримиримой вражды царского правительства к представителям «лучшего сословия народа». Говоря о двенадцати казненных крестьянах, писатель продолжал: «...делается это, не переставая годами, над сотнями и тысячами таких же обманутых людей, обманутых теми самыми людьми, которые делают над ними эти страшные дела». Толстой говорит, что двенадцать казненных – это люди, «на доброте, трудолюбии, простоте которых только и держится русская жизнь» и что задушены они «теми самыми людьми, которых они кормят, и одевают, и обстраивают...»

Обличение правящих классов, «высшего сословия», глубоко враждебного народу, составляет пафос всей статьи. С ненавистью говорит Толстой о царском правительстве, которое ввело в систему казни «для достижения своих целей», о том, что «представители христианской власти, руководители, наставники, одобряемые и поощряемые церковными служителями», совершают «величайшие преступления, ложь, предательство, всякого рода мучительство...» Толстой гневно опроверг обычные утверждения царских чиновников и попов о том, что смертные казни – это единственное средство успокоения народа. Обличая правительство, он писал: «Все те гадости, которые вы делаете, вы делаете для себя, для своих корыстных, честолюбивых, тщеславных, мстительных личных целей, для того, чтобы самим пожить еще немножко в том развращении, в котором вы живете...»

Как и в других своих статьях, Толстой указывал, что освобождение земельной собственности, передача ее народу является важнейшей задачей, без выполнения которой никакие «усмирения» и «успокоения» невозможны. В ужасах, происходивших в России, Толстой винил весь правительственный аппарат «от секретарей суда до главного министра и царя», – участников «ежедневно совершаемых злодеяний».

Но этот беспощадно-резкий и смелый протест, отражавший настроения народа, совмещался в статье «Не могу молчать» с увещаниями, основанными на религиозно-нравственном учении, увещаниями, обращенными к тем людям, которые покрыли Россию виселицами. «Да, подумайте все вы, от высших до низших участников убийств, подумайте о том, кто вы, и перестаньте делать то, что делаете, – писал Толстой в заключении статьи. – Перестаньте – не для себя, не для своей личности, и не для людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать вас, но для своей души, для того бога, который, как вы ни заглушаете его, живет в вас». Однако этому предшествовала критика революционеров с позиций непротivления, то есть критика той единственной силы, которая только и могла смести до основания ненавистный Толстому строй угнетения и рабства.

Определяющей и самой сильной стороной статьи является позиция Толстого-обличителя. В том, что он выступал своей статьей прежде всего в этой роли, свидетельствуют и его собственные признания. «Знаю я, – пишет Толстой, – что все люди – люди, что все мы слабы, что все мы заблуждаемся и что нельзя одному человеку судить другого. Я долго боролся с тем чувством, которое возбуждали и возбуждают во мне виновники этих страшных преступлений, и тем

Проезжий и крестьянин. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru больше, чем выше по общественной лестнице стоят эти люди». И далее следуют знаменательные слова: «Но я не могу и не хочу больше бороться с этим чувством». Толстой признает, что не выступать с обличением людей, совершающих преступления, – все равно что быть участником преступлений, быть в кругу тех людей, которыми порождена «нищета народа, лишенного первого, самого естественного права человеческого, – пользования той землей, на которой он родился». С ненавистью ко всем виновникам народных бедствий, с страстью негодования Толстой восклицал:

«Нельзя так жить. Я по крайней мере не могу так жить, не могу и не буду».

И далее он заявлял о своем намерении обличать и бороться против зла, утверждая: «...буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России и вне ее...»

Обличительная сила статьи «Не могу молчать» была так велика, что перекрывала места, выразившие слабые, реакционные стороны толстовского учения. Это было очевидно и для сторонников реакции. Статья смогла быть отпечатана в России только нелегально. В Севастополе издатель газеты, напечатавший ее, был арестован, другие газеты штрафовались даже за помещение отдельных отрывков. Апологеты самодержавия реагировали на статью с бешеной злобой, – это выражалось и в письмах, которые приходили в Ясную Поляну. До какого озверения доходили те, против которых было направлено обличение Толстого, свидетельствует следующий факт. В день восьмидесятилетия на его имя пришла посылка с веревкой и письмом такого содержания: «Граф. Ответ на ваше письмо.[12] Не утруждайте правительство, можете сделать это сами, не трудно. Этим доставите благо нашей родине и нашей молодежи».

Характерно, что официозная «Россия» в статье, посвященной «Не могу молчать», утверждала, что Толстой «по всей справедливости» должен бы быть заключенным «в русскую тюрьму», если бы этому не мешала его известность как художника.[13]

Марксистская истина, согласно которой ложные взгляды не могут быть выражены в действительно высокой художественной форме, находит свое подтверждение и в некоторых включенных в 37-й том произведениях. Всюду, где Толстой пишет о реальных процессах, происходивших в самой действительности, всюду, где он изображает реальные поступки людей в типических обстоятельствах, виден величайший художник, автор таких шедевров мировой литературы, как «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение». И вместе с тем те страницы произведений, которые заняты морализированием и подчинены пропаганде реакционных идей непротивления и самоусовершенствования, носят чисто иллюстративный характер к заранее заданной теме, лишены живописной образности, яркости описаний. Это относится и к таким произведениям, как «Разговор с прохожим», и к статьям. Достаточно сравнить с этой точки зрения темпераментно-страстные, обличительные страницы «Не могу молчать» и стилистически однообразную, не содержащую ни одного яркого образа статью «Любите друг друга» с ее ложной идеей о том, что «подчиненным и бедным» даже легче «исполнить учение любви», смириться, чем «властвующим, богатым». В произведении «Кто убийцы? Павел Кудряш» самые впечатляющие и горячие строки посвящены описанию того, как зарождалось и развивалось у Павла стремление бороться с окружающей несправедливостью.

В. И. Ленин, так высоко оценивший всемирно-историческое значение Толстого еще при жизни писателя, вместе с тем со всей резкостью писал о вреде толстовской проповеди «одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно религии...», о его стремлении «поставить на место попов по казенной должности, попов по нравственному убеждению», о культивировании «самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины».[14] Отсюда очевиден и реакционный смысл религиозных произведений Толстого. В одном из своих писем к Горькому Ленин разъяснил, почему «всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой...» – особенно опасно. «Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз физических гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем тонкая, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженьки».[15] В какие бы наряды ни рядилась идея бога, она всегда направлена против научного понимания жизни и ее закономерностей, разоружая человека в его борьбе за изменение действительности, за осуществление в сознательной практической деятельности великих социальных задач.

К чести Толстого, его религиозно-нравственное учение нередко вызывало у него самого мучительные сомнения.

Проезжий и крестьянин. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru  
Изучение произведений, писем, Дневников Толстого последних лет его жизни говорит о том, что после революции 1905–1907 гг. он, хотя и сохраняя систему своих взглядов, все же не мог не отразить в какой-то степени сдвиги, произошедшие в крестьянстве. Сомнения и колебания Толстого в истинности своего религиозно-нравственного учения нельзя рассматривать только как противоречия его личной мысли, – такая постановка вопроса противоречит ленинскому подходу к литературе.

К концу жизни Толстой, впадая в еще более разительные противоречия, вместе с тем стал высказывать сомнения в правильности своих рассуждений о «всеобщей любви» и «непротивлении» как способе устранения социального зла. Об этом свидетельствуют многие его признания, сделанные для себя и лишь сравнительно недавно ставшие достоянием читателей. Так, например, в 1909 г., когда Толстой так активно пропагандировал идею «всеобщей любви», он записал в своем Дневнике: «Главное, в чем я ошибся, то, что любовь делает свое дело и теперь в России с казнями, виселицами и пр.».[16] Вопреки своему принципу отрицания революционного насилия, он вынужден был признаться самому себе: «Мучительное чувство... унижения, забитости народа. Простительна жестокость и безумие революционеров».[17] А по поводу своей религии он однажды записал: «Страшно сказать, но что же делать, если это так, а именно, что со всем желанием жить только для души, для бога, перед многими и многими вопросами остаешься в сомнении, нерешительности».[18]

Все эти трагические раздумья Толстого были вместе с тем отражением тех благотворных сдвигов, которые происходили в сознании русского крестьянства после революции 1905–1907 гг. Еще в середине 1904 г. Толстой заметил, что время, когда народ «хотел обожать и покоряться», уже прошло: «Теперь же народ уже не обожает и не только не хочет покоряться, но хочет свободы».[19] В предисловии к альбому картин Н. Орлова «Русские мужики» Толстой, хотя «...с характерным для худших сторон «толстовщины» сожалением...»[20], но констатировал, что русский народ с удивительной скоростью научился делать революцию. И в самом деле, русский народ, накапливая революционную энергию, учась на опыте 1905 г., шел навстречу великому перевороту, обозначившему новую эпоху всемирной истории. В ходе подготовки к этому перевороту революционная Россия взяла на вооружение наследие Толстого-реалиста и обличителя и, во имя торжества великих идей свободы и справедливости, безоговорочно отвергла и осудила «толстовщину», ушедшую в прошлое.

Б. Мейлах

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ

Тексты, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением особенностей правописания, которое не унифицируется.

Слова, случайно не написанные, если отсутствие их затрудняет понимание текста, печатаются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание текста.

Условные сокращения типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в прочтении.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные ошибочно дважды, воспроизводятся один раз, но это всякий раз оговаривается в сноске.

После слов, в прочтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках.

Проезжий и крестьянин. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

На месте неразобранных слов ставится: [1, 2, 3 и т. д. неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места (в отдельных случаях и слова) воспроизводятся в тексте в ломаных < > скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми скобками.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок. Редакторские переводы иностранных слов и выражений печатаются в прямых скобках.

Обозначение \* как при названиях произведений, так и при номерах вариантов означает, что текст печатается впервые; \*\* – что текст напечатан был впервые после смерти Толстого.

Иллюстрации

Фототипия с портрета Л. Н. Толстого 1908 г. между стр. IV и V.

Примечания

1

См. историю писания очерка «Разговор с прохожим», стр. 404

2

8 сентября 1909 г. Толстой записал в Дневнике: «Пришло много народа: трое молодых крестьян... Я беседовал с ними приятно» (т. 57, стр. 134).

3

См. историю писания очерка «Разговор с прохожим», стр. 404.

4

Более подробную характеристику взглядов Л. Н. Толстого в последние годы его жизни см. в предисловии к тому 77 настоящего издания.

5

В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 185.

6

«Россия», 30 июля 1908 г., № 823.

7

Т. 54, стр. 52.

8

Т. 84, стр. 128.

9

В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 180.

10

В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 295.

11

См. запись в Дневнике 12 мая 1908 г.

12

«Письмом» названо «Не могу молчать», где Толстой, в порыве негодования и скорби, писал о том, что он хотел бы заключения в тюрьму и готов разделить участь повешенных крестьян.

13

«Точка над і». «Россия», 30 июля 1908 г., № 823.

14

В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 180.

15

В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 90.

16

Т. 57, стр. 200.

17

Т. 57, стр. 82.

18

Т. 58, стр. 65.

19

Т. 55, стр. 62.

20 Слова Ленина об этом предисловии (см. В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 251).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://to1stoyleo.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!